

Вера
КРЫЖАНОВСКАЯ

Сочинения

В царстве тьмы

Вера Крыжановская-Рочестер

Грозный призрак

«Public Domain»

Крыжановская-Рочестер В. И.

Грозный призрак / В. И. Крыжановская-Рочестер — «Public Domain», — (В царстве тьмы)

Жизнь мимолетна. При жизни нужно заботиться о душе, не погружать ее в сумерки беспутства, порока, неверия. Об этом роман-трилогия «В царстве тьмы».

© Крыжановская-Рочестер В. И.

© Public Domain

Содержание

Глава I	5
Глава II	12
Глава III	18
Глава IV	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вера Ивановна Крыжановская

Грозный призрак

Оккультный роман

Глава I

– Садись, Нита, и подожди немножко. Через пять минут я закончу письмо и буду в твоём распоряжении, – сказал Михаил Михайлович Суровцев, указывая жене кресло около стола и снова принимаясь за писание.

Анна Петровна села, взяла со стола газету и стала рассеянно пробегать ее глазами.

Это была красивая женщина лет тридцати восьми, с темными большими бархатистыми глазами и густыми волосами. Тонкое изящество костюма и роскошь обстановки кабинета свидетельствовали о богатстве семьи. Михаил Михайлович раньше был помещиком, но затем, продав имения, он пустился в различные предприятия и теперь занимал видное положение в финансовом мире.

Запечатав письмо и написав адрес, он закурил сигару, откинулся в кресло и сказал, улыбаясь:

– Теперь говори, Нита, на полчаса я вполне принадлежу тебе.

– Слава Богу! Обыкновенно потеряешь терпение, карауля минуту, чтобы говорить с тобою о делах семьи, – ответила Анна Петровна с не совсем довольным видом. – Я хочу посоветоваться насчет Мэри. Как тебе известно, ввиду моей поездки с кузиной Ольгой в Виши, мы решили отправить Мэри и Наташу с м-ль Эмили и няней к твоей сестре, в деревню. Но ведь поместье маленькое, в захолустье, соседи ничего не представляют собой, да и живут довольно далеко, значит – ясно, что Мэри будет там не особенно весело. Совершенно неожиданно я получила сегодня утром во многих отношениях приятное приглашение для нее, но не хочу ничего решать без твоего совета. Была у меня баронесса Козен, мы говорили с нею о планах относительно лета, и Анастасия Андреевна сказала, что уезжает в свой замок поблизости Ревеля. Узнав же, что мы отправляем Мэри в деревню, она просит отпустить к ней девочку на два месяца, уверяя, что та не соскучится, потому что у них множество соседей. Что ты думаешь об этом, Миша? Как я уже говорила, дело это имеет свою выгоду. Баронесса много принимает, а кроме того поблизости от нее будут жить двое молодых людей, которые, по-видимому, интересуются Мэри. Моряк Поль Норденскиольд гостит у бабушки, близкой соседки Козен. Это красивый юноша, со средствами и на хорошей дороге. Затем и Эрик Раутенфельд проводит лето в своем имении около Ревеля. Это тоже хорошая партия: он дипломат, богат и с хорошими связями. Мэри восемнадцать лет и пора пристроить девочку, а у баронессы оба эти претендента встретят ее. Может быть, что-нибудь и выйдет?

Суровцев задумчиво покачал головой.

– Ты права, Нита! Соображения твои очень заманчивы, и я не имел бы решительно ничего против них, если бы не Вадим Викторович... Двусмысленная или, вернее, не двусмысленная роль его в доме баронессы коробит меня, и я не знаю, право, удобно ли сближать Мэри с таким семейством.

Анна Петровна на минуту задумалась.

– Конечно, с одной стороны, ты совершенно прав, Миша. Роль Вадима Викторовича относительно баронессы – «секрет полишинеля», но наружно приличия вполне соблюдены, а я считаю Мэри слишком чистой натурой, чтобы подозревать истину. Вспомни только, что Вадим Викторович – друг барона, притом, он врач, а благодаря этому вдвойне охраняет вверенную

ему семью. Доктор временно состоит опекуном детей, и этим вполне объясняются его слишком частые и продолжительные посещения.

– Все это прекрасно с внешней стороны, но, между нами говоря, глупо было со стороны барона отправиться путешествовать по Индии. Уже более двух лет он отсутствует, обрекая жену на вдовство, а баронесса еще во цвете лет: ей с небольшим тридцать пять и близость такого красивого и умного человека, как доктор Заторский, представляет большую опасность.

– Полно! После пятнадцатилетнего супружества, имея дочь тринадцати лет и сына одиннадцати лет, можно вполне успокоиться и, не ставя мужу рогов, позволить ему осуществить мечту всей его жизни: посетить Индию, эту страну чудес, – насмешливо возразила Анна Петровна. – Впрочем, барон предлагал жене сопутствовать ему, но та отказалась, предпочитая, вероятно, общество Вадима Викторовича. О, прелестный доктор очень мил, так добросовестно исполняя возложенную на него другую обязанность! Ха! Ха! Ха!

– Помимо этого для меня загадка: каким образом Заторский, во всяком случае умный и замечательно умный человек, мог заинтересоваться таким ничтожеством, как баронесса. Он мог найти что-нибудь получше.

– Несомненно, но мы отделились от предмета: как ты решишь насчет Мэри? Я обещала баронессе дать ответ сегодня вечером, посоветовавшись с тобой. Можно ли, не обижая твоей сестры, изменить наши намерения?

Суровцев подумал с минуту.

– Отпусти Мэри. Надеюсь, что в присутствии молодой девушки у Анастасии Андреевны хватит ума не выставлять напоказ свои отношения к доктору. Ты права, говоря, что надо пользоваться случаем пристроить девочку, а у Вали она действительно скучала бы смертельно. Однако мне пора, меня ждут в совете бельгийского общества, я едва успею доехать.

Спешно поцеловав жену и взяв портфель, он вышел. Анна Петровна тоже ушла из кабинета и по коридору направилась в помещение дочери, состоявшее из двух комнат: розового будуара, наполненного редкими цветами и драгоценными безделушками, и спальни. Тут стены были обтянуты белым, мебель крыта белым шелком, а постель и туалет отделаны кружевами. Перед большим зеркалом стояла сама хозяйка и оглядывала себя, пока горничная заканчивала ее туалет.

Мэри Суровцева отличалась редкой красотой. Это была стройная, грациозная, как мотылек, девушка с цветом лица матовой белизны, которую еще ярче оттеняли сине-черные волосы. Она унаследовала от матери бархатистые глаза, но у нее они были еще больше и с иным выражением. Взгляд Анны Петровны был ясный, веселый и спокойный, а в темных глазах Мэри светились гордость, энергия и пылкая душа, в глубине которой должны были таиться страсти, если жизненным испытаниям суждено будет пробудить их. Пока, впрочем, это был наивный ребенок, поглощенный в эту минуту единственно своим нарядом и с удовольствием любовавшийся своим пленительным образом. На мгновение мать с любовью и гордостью взглянула на нее, а потом спросила:

– Еще не уехала, дитя мое? А ты разве не опоздаешь на шоколад к своей подруге?

– Нет, мама, у меня еще минут двадцать времени, да и м-ль Эмили еще не готова. Петя придет сказать, когда автомобиль будет подан. Но ты хочешь что-нибудь передать мне? Я вижу по твоим глазам, мамочка. В таком случае садись на диван, а я тебя слушаю.

Она придвинула табурет и села, бережно расправляя складки платья так, чтобы видеть себя в зеркале. Мэри сознавала свою красоту и была непрочь всегда полюбоваться собою. Слабая и слишком снисходительная мать с улыбкой следила за ее уловками.

– Я хочу сообщить свежую новость, которая, надеюсь, доставит тебе удовольствие. Баронесса Козен предлагает тебе провести два месяца в ее замке около Ревеля, а так как у милой тети Вали порядочно скучно, то папа разрешил мне за тебя принять это приглашение.

Глаза у молодой девушки радостно вспыхнули.

– О! Как вы добры оба, папа и ты! Благодарю, благодарю! Я очень люблю тетю Валю, но, конечно, мне будет гораздо веселее у доброй, очаровательной баронессы.

– Несомненно, замок ее, как говорят, один из самых любопытных, даже как исторический памятник, и, кроме того, она много принимает. Ты даже встретишь там знакомых: Эрика Раутенфельда и молодого Норденскиольда, родственника барона. Оба они ухаживают за тобою, и это совсем не испортит дела: мне казалось даже, что Павел Федорович тебе нравится.

Заметив, что Мэри покраснела, она радушно прибавила:

– Ты знаешь, дорогая, что мы с папой представляем тебе полную свободу выбора, а оба жениха люди вполне порядочные и представляют прекрасную партию. Но повторяю – ты сама должна решить свою судьбу.

– Милая мамочка, Эрик Оскарович не нравится мне: он напыщенный, сухой и холодный, а взгляд у него пронизывающий. Нет, нет, он не герой моего романа, я предпочитаю скорее Норденскиольда. Хотя мне кажется, что к тому, за кого выходить, должна питать иное чувство. Как знать, дорогая мама? Может быть человек, которому суждено покорить мое сердце, не выступал на моем жизненном пути, – заключила она, смеясь. Шумное появление мальчика лет тринадцати-четырнадцати, в форме кадета, прервало разговор. Это был брат Мэри, ехавший с ней на рождение их общей подруги детства. Петя объявил, что автомобиль у подъезда, а мль Эмили готова и ожидает их в прихожей.

– До свидания, дорогие мои. Веселитесь хорошенько, – сказала Анна Петровна, когда молодежь поспешно уходила, унося подарки: футляр с кольцом и коробку конфет.

В большом собственном доме на Сергиевской баронесса Козен занимала целый этаж, и вечером того же дня хозяйка сидела в будуаре, небрежно проглядывая французский роман.

Комната была большая и обтянута изумрудно-зеленым шелком с атласной того же цвета мебелью. В углублении, образовывавшем фонарь и выходявшем на улицу, стояли на возвышении два кресла и стол, а на нем красовались в хрустальной вазе фиалки и нарциссы, наполняя комнату чудным ароматом. Стены украшали дорогие картины, а редкие растения в больших японских вазах оживляли роскошную комнату, ярко освещенную электрическими лампами.

Хозяйка этого прелестного уголка была женщиной средних лет, высокая и худая, но ширококостная, что придавало ее фигуре нечто увесистое и массивное. Лицо у нее было приветливое, свежее и очень белое, а большие темные глаза можно было счесть даже красивыми, не страдай они отсутствием выразительности, как и все лицо, в котором не проглядывало ни ума, ни доброты, а оживлялось оно только в минуты гнева. Тем не менее, в общем, это была хорошенькая женщина, а пышные, ярко рыжие волосы, составлявшие редкий контраст с темными глазами, придавали ей что-то своеобразное, пикантное. Она была нарядно одета и на руках, державших книгу, сверкали бриллианты, но короткие, толстые пальцы были грубы, как и большая, выглядывавшая из-под платья, плоская нога, которая, несмотря на шелковый чулок и изящную туфлю из золотистой кожи, лишена была и тени чего-либо породистого.

Впрочем, Анастасия Андреевна была действительно довольно темного происхождения. Отец ее, мелкий чиновник какого-то министерства, обремененный многочисленной семьей и с очень ограниченными средствами, прозябал чуть ли не в нищете. Таким образом, из детей старшая, Настя, выросла почти в бедности, приучена была к строжайшей бережливости и поставлена в необходимость помогать матери как в хозяйстве, так и в уходе за остальными детьми. По достижении восемнадцати лет она научилась писать на машинке и уже своим трудом содержала себя. Лет в двадцать, благодаря счастливой случайности, она нашла работу у барона Козена, археолога-любителя, очень богатого человека, бывшего тогда лет тридцати шести. Как случилось, что Насте удалось возбудить страсть в бароне, перестукивая на машинке его ученые писания, осталось тайной. Но, в результате, Козен женился на ней, а она, даже через пятнадцать лет замужества, еще не утратила влияния на него. Поистине было изумительно, как мог умный, даже ученый человек увлечься ограниченной, пошлой женщиной. Хотя немало

примеров, что для возбуждения чувственности мужчины особенного ума от женщины вовсе не требуется...

Добившись, наконец, независимости и богатства, которого жаждала, Настя быстро преобразилась: забыв нищету детства и юности, забыв время, когда не на что было купить шляпу и приходилось закладывать в ломбарде тряпье, она стала швырять деньгами и накупала без разбора все, что попадалось на глаза. Особенно не жалела она ничего на туалеты, а так как в своем узком умишке она воображала, что все дорогое должно быть непременно хорошо, то и наряды ее, несмотря на их изумительные цены, зачастую оставляли желать многого со стороны вкуса и изящества. В одном, впрочем, осталась у нее scarsedность прошлой бедности: в мелочной придирке в расходах по хозяйству, которую она из тщеславия старалась скрыть перед знакомыми, желая блистать, особенно перед людьми, менее обласканными судьбой.

Когда первый угар страсти миновал, барон вернулся к своим научным занятиям, а пресытившаяся и свыкшаяся уже с богатством Анастасия Андреевна начала скучать, находя своего «ученого мужа» довольно скучным. Наружно, однако, она высказывала серьезную любовь и неустанно рассказывала направо и налево, что муж без ума от нее, а единственной соперницей является страсть барона к археологии и путешествиям.

Анастасия Андреевна не обладала никакими талантами: она не пела, не рисовала и не знала никаких художественных работ, которыми занимаются женщины света. Бесчисленные часы досуга она посвящала лишь заботам о тряпках и чтению бульварных романов, разжигавших ее воображение. Она стала мечтать о пикантных приключениях и пожелала завести возлюбленного – обычное утешение праздной женщины без нравственных устоев. Однако пока еще ее удерживал некоторый страх, и она не рисковала осуществить свою прихоть. Первый случай к исполнению ее затеи представился ей благодаря одному путешествию.

Спустя около года после рождения второго ребенка барон отправился в Египет и взял с собой жену. Вначале для Анастасии Андреевны это была настоящая пытка: невежественная и ограниченная, она нисколько не интересовалась чудесными памятниками и древними сокровищами земли фараонов и думала, что умрет от скуки. На выручку ей явилось ухаживание немецкого туриста: она затеяла с ним флирт, интересный уже по самой представлявшейся им опасности и удавшийся как нельзя лучше. Барон был уверен в добродетели жены и занят мумиями, а потому не видел, что проделывали живые, и ничего не подозревал. Баронессе же пришлось по вкусу тайные авантюры и она не преминула завязать новые интрижки. Одна из них, впрочем, чуть не закончилась бедой и заставила ее быть впредь осторожнее. Для сына, которому тогда было шесть лет, она пригласила учителя-англичанина, а для девочки – молоденькую бонну-француженку. Англичанин был молод и красив, а у Анастасии Андреевны вдруг явилось непреодолимое желание учиться английскому языку. Уроки шли превосходно, пока бонна-француженка не положила им конец. Она пользовалась уже расположением англичанина и раньше, нежели тот понял, что нравится хозяйке дома, сделала баронессе такую сцену ревности, что той пришлось отказать обоим. К счастью для нее, когда разразился скандал, барон уехал на несколько дней. Анастасии Андреевне пришлось быть осторожнее и она придумала менее опасную игру. Она была не умна, но хитра, особенно когда дело шло об ее интересах. У нее были поклонники, настойчиво ухаживавшие за нею и безумно влюбленные в нее: она же только потешалась над ними. Более прежнего выставляла она напоказ любовь к мужу с детьми, и тем заставляла молчать злоязычников. Барон же был так наивен, что не вдумывался в похождения жены и ему не приходило в голову поближе присмотреться к обожателям, сопровождавшим баронессу на гулянья и в театр. Так проходила жизнь, и у прекрасной Анастасии Андреевны всегда находились сострадательные люди, готовые утешить очаровательную молодую женщину, «одинокую и брошенную мужем», который был всегда поглощен своими учеными работами.

Года за три перед тем произошел некий эпизод, положивший конец всем мимолетным флиртам и воспламенивший сердце баронессы сильной и упорной страстью.

Барон опасно заболел и к нему пригласили молодого врача, уже пользовавшегося некоторой известностью. Он имел репутацию строгого и добросовестного человека, врага женщин и всяких удовольствий, всецело преданного науке и больным. С первого взгляда на доктора баронесса была точно поражена: ей показалось, что она еще никогда не видела такого красивого и интересного человека, а его холодная сдержанность и скользнувший по ней равнодушный взгляд еще больше взвинтили ее.

«Он должен быть моим. Никто не нравился мне так, как он», – в душе решила она.

С этого дня началась упорная и умелая атака, постепенно приближавшая ее к намеченной цели. В полумраке комнаты больного разыгрывались сцены утонченного кокетства: в пеньюарах, превосходивших ценою бальные туалеты, с наитрогательнейшим самоотвержением проводила баронесса ночи у постели больного мужа, едва уделяя время необходимому отдыху. Когда болезнь, казалось, усиливалась, она упрашивала доктора оставаться иногда даже на ночь, и доктор уступал, когда прекрасные темные глаза, полные слез, устремлялись на него с мольбой, а эти совместные бдения и ужины с глазу на глаз их сближали и устанавливали связь, которая должна была подчинить молодого доктора.

Барон был спасен, и это почти чудесное исцеление сразу создало доктору известность. Никого не удивляло, хотя больной и поправлялся уже, что врач был ежедневным гостем, и свидания с глазу на глаз в будуаре за чайным столиком продолжались по-прежнему. Поддавшийся баронессе доктор Заторский уже засматривался на нее, а та была пуще прежнего соблазнительна в откровенно домашних платьях и почти не скрывала кипевших в ней чувств. Наконец, разыгралась решительная сцена.

Однажды вечером вставший уже с постели барон приводил в порядок, с помощью секретаря, накопившуюся за время болезни корреспонденцию, а доктор, не бывший целую неделю, появился в будуаре. Баронесса уже несколько дней терзаемая сомнением и ревностью, вскочила с места и бросилась ему навстречу: пылавшие щеки, дрожавшие губы, выражение глаз, все явно выдало ее чувства.

– Почему вы не были целую неделю? – пробормотала она, сдавленным от волнения голосом.

Вадим Викторович провел рукой по лицу и ответил вполголоса:

– К чему лгать? Я хочу сказать вам, что буду являться как можно реже, потому что... мне предписывает долг честного человека.

Анастасия Андреевна глухо вскрикнула от радости и схватила руку доктора.

– Да говорите же... Скажите, правда ли то, что, казалось, я прочитала в ваших глазах? Неужели мне выпало высшее блаженство быть любимой вами?

– Да, – прошептал Заторский, задыхаясь.

В ту же минуту две руки обвили его шею и к губам прильнули пылавшие уста. Слепленный на мгновение страстью, он прижал к груди эту трепетавшую от любви женщину, но затем он порывисто оттолкнул ее от себя и спросил нерешительно:

– Вы любите меня? Ведь вы же любите вашего мужа!..

– Я любила его... пока не увидела вас, и продолжаю питать к барону смешанное чувство уважения, дружбы и благодарности, потому что он вырвал меня из нужды. Но сердце мое встрепенулось только, когда я увидела вас и поняла, что такое любовь: это божественное чувство, заставляющее все забывать.

Какой мужчина, если он не особенно даже ослеплен собственными достоинствами, не будет польщен, выслушав подобное признание? Это не просто «успех» – ПЕРВОМУ возбудить истинную страсть в душе женщины, бесспорно молодой и красивой, но уже бывшей двенадцать лет замужем, которая не нашла своего идеала до встречи с ним, несмотря на жизненный опыт.

Это не то, что легкая победа над наивным сердцем молодой девушки, еще открытым и готовым воспринять всякие впечатления. Заторский был побежден. Труженик, ученый, до той поры он испытывал лишь легкие любовные похождения, а эта страсть к чужой женщине ослепила его, заставила забыть свои принципы и совесть.

Под влиянием чувственной и развратной женщины он на время сделался таким же циником, как и его современники. Однако лежавшая в его основе честность внушила ему мысль заставить любовницу развестись с мужем и жениться на ней. Но Анастасия Андреевна была слишком осторожна и практична, чтобы променять свою роскошную жизнь «большой барыни» на гораздо более скромное существование. Поэтому она отвергла предложение возлюбленного под тем будто бы предлогом, что чувства признательности и преданности не допустят ее нарушить спокойствие мужа таким громким разрывом, и дело на том остановилось. Доктор остался только «другом дома».

Барон, бесконечно признательный спасшему ему жизнь человеку, искренне привязался к нему и всюду восхвалял его, доставив ему богатых и многочисленных клиентов, а на молодого врача смотрел как на члена семьи. В свою очередь Вадим Викторович широко воспользовался столь выгодным положением: он стал другом и поверенным обоих детей, засыпал их подарками и конфетами и, постоянно заменяя занятого своими работами барона, всюду сопровождал Анастасию Андреевну. В конце-концов, он забросил почти всех своих знакомых, отдавая свое время лишь больным и семье барона. Такое положение тянулось уже год, как вдруг случилось неожиданное событие.

Барон отправился в Лондон для участия в археологическом конгрессе. Там, исследуя незадолго перед тем доставленный транспорт древностей, Козен познакомился с молодым индусом и его приятелем, русским князем Алексеем Елецким, родных которого барон хорошо знал.

Оба они намеревались вернуться в Индию для изучения оккультизма и производства раскопок, и предложили барону сопутствовать им. Предложение было, однако, слишком заманчиво, чтобы страстный археолог мог устоять, и он согласился, но по возвращении домой ему лишь с трудом удалось победить противодействие жены.

Хотя в душе Анастасия Андреевна была рада его отъезду, но притворялась огорченной и обиженной разлукой. Роль свою она так прекрасно провела, что барон уехал убежденный в серьезной любви жены и поклялся, ради ее спокойствия, давать знать о себе как можно чаще. Так как путешествие предполагалось продолжительным и представляло множество опасностей, то барон перед отъездом сделал завещание. Жене он оставлял солидный капитал, а Вадима Викторовича назначил временным опекуном детей, прося того охранять его семью в качестве врача и друга.

Влюбленные чувствовали себя превосходно: муж сам простер покровительственную руку на их тайную связь и освятил, до некоторой степени, частые посещения доктора.

Вначале все шло хорошо и приличия сохранялись, но баронесса, будучи неуравновешенной, ревливой и страстной натурой, несмотря на личину лицемерия, позволила себе выходки, которые скомпрометировали ее. Весьма скоро не одна только прислуга, но и знакомые стали недвусмысленно переглядываться и усмехаться по этому поводу, а в обществе доктора называли человеком потерянным и считали, что ему никогда не удастся вырваться из цепких ручек своей зрелой возлюбленной.

Таково было положение дел в начале рассказа, и мысли, обуревавшие баронессу, пока она нетерпеливо перелистывала книгу, были, по-видимому, не из приятных.

Несмотря на то, что связь с доктором тянулась уже более трех лет, страсть ее не остывала. Между тем, она замечала, что он изменился и, очевидно, пресытился ею. Ее мучила злоба. Наружно все оставалось по-прежнему. Вадим Викторович посещал исключительно ее дом, терпеливо подчинялся ее тиранической, почти грубой власти, а она, тем не менее, чувствовала,

что он ускользал от нее. Вдруг она вздрогнула, услышав в соседней комнате твердые и легкие шаги, и через минуту на пороге будуара появилась высокая фигура мужчины.

Несколько бледное лицо его с правильными чертами было строго и спокойно, густые черные волосы были коротко острижены, а в больших, стального цвета серых глазах под густыми ресницами светились ум и сила.

Баронесса бросила книгу, кинулась навстречу вошедшему и хотела обнять его, но тот резким досадливым движением отбросил протянутые руки и подвел ее к стулу.

– Боже мой, как вы неосторожны! Сколько раз я просил вас беречь излишние нежности для закрытых дверей, когда мы бываем одни. Какой бы был скандал, войди кто-нибудь из детей или слуг! – заметил он вполголоса.

Баронесса густо покраснела, и губы ее дрожали от злости, когда она отвечала:

– Прежде ты не был так осторожен. Дети могут войти только когда я их позову, что касается слуг, так не достает только того, чтобы я стеснялась их.

– Да я-то стесняюсь! О нас и так слишком много говорят в обществе, и мне уже начинают действовать на нервы двусмысленные взгляды и насмешки! – возразил Вадим Викторович, – опускаясь в кресло и закуривая. Его лицо чуть вспыхнуло от неудовольствия. – Ах, право, я желал бы, чтобы барон вернулся... А теперь, прошу вас или позвать детей, или пойдете к ним. Лиза очень бледна, – прибавил он, нарушая тягостное молчание.

– Да у нее ничего нет, незначительная простуда, вот и все, – сердито заметила баронесса, стремительно поднимаясь и направляясь в детскую.

Краснощекий мальчуган-крепыш, и худенькая, хрупкая, бледная девочка бросились к доктору и стали ласкаться к нему.

– Наконец ты приехал, дядя Вадим. Целую неделю тебя не было видно, и когда я спрашивал по телефону, твой Яков всегда отвечал, что тебя нет дома.

– Это правда. У меня было несколько серьезных больных, и вообще, я был занят, – ответил Вадим Викторович, усаживаясь на диван между мальчиком и девочкой.

Дети, очевидно, любили его: они без умолку болтали, усердно угощая доктора миндалем в сахаре и фруктами, а поездка в Ревель была главной темой разговора.

– Когда ты приедешь к нам, дядя Вадим? – спросила девочка.

– Я буду приезжать каждую пятницу вечером и оставаться до утра понедельника, а в июле приеду недель на шесть. Я очень утомлен и хочу отдохнуть.

Говоря, Вадим Викторович исподлобья наблюдал за баронессой. Мрачно насупившись, она кусала губы и не вмешивалась в разговор: злость за полученный отпор еще не улеглась в ней.

– А вы, баронесса, одобряете наши планы и согласны оказать мне столь продолжительное гостеприимство? – спросил Вадим Викторович, наклоняясь и целуя лежавшую на столе руку Анастасии Андреевны.

Баронесса слегка просветлела.

– Конечно, конечно, мы будем рады вам. Только, милый доктор, захватите с собой лучшее расположение духа. Нервы ваши растрепались и, случается, я не узнаю вас.

– Вы правы, я стал нервен и несносен. В деревенской тишине и на свежем воздухе я поправлюсь.

– Это будет вам очень легко: сад – огромный, море – в двух шагах и есть лодки для катания. Кроме того, будут гости: хорошенькая Мэри Суровцева и тетка мужа, Елена Орестовна – очень остроумная женщина. Надеюсь, такое общество будет вам приятно.

– Для партии в карты – несомненно, – засмеялся доктор.

Слуга с докладом о приезде каких-то дам прервал разговор.

Глава II

Был вечер в начале июня, за несколько дней до отъезда баронессы в имение около Ревеля, где она рассчитывала пробыть до окончания сентября.

Анастасия Андреевна сидела в будуаре в обществе доктора Заторского, они только что окончили чай, который пили вдвоем, так как дети с гувернанткой были в Павловске у знакомых и возвращались в одиннадцать часов. Под предлогом проверки денежных счетов баронесса увела возлюбленного к себе, а так как теперь двери были заперты, то она без церемонии уселась к нему на колени, обвила ему шею руками и запечатлела на его губах горячий поцелуй. Вадим Викторович ответил ей тем же, но теперь поцелуй его не был вовсе похож на прежние, огненные, и баронесса почувствовала это. Злой огонек вспыхнул на миг в ее глазах, хотя наружно лицо оставалось веселым. Нагнувшись к доктору, она шаловливо заглянула в его задумчивые и озабоченные глаза.

– Послушай, вечный ворчун, я должна сказать тебе нечто, давно озабочивающее меня, и пора, наконец, осуществить это: ты должен жениться!

Вадим Викторович привскочил от удивления.

– Какая глупая шутка, – с негодованием произнес он. – И на ком могу я жениться? Меня считают связанным...

– Тем более оснований заткнуть рот злоязычникам. Как только барон вернется, ты должен жениться, чтобы положить конец всем пересудам.

– И ты согласилась бы уступить меня другой? – спросил Вадим Викторович, недоверчиво, с оттенком насмешки.

– Да, если это надо для счастья твоего и барона, который имеет, по крайней мере, право на то, чтобы я щадила его честное имя. – Она как-то вдруг осунулась, закрыла лицо руками и прошептала, слезливо:

– Бедный мой Макс! Он вполне уверен, что я люблю его одного, а он всегда был так добр ко мне.

Баронесса была искусная комедиантка и ее маневр удался, как нельзя лучше. Вздволнованный и растроганный Вадим Викторович прижал ее к себе, целовал и поклялся любить ее вечно что бы ни случилось. Однако мысль о женитьбе, пущенная ею в качестве пробного шара, запала в душу доктора глубже, нежели баронесса предполагала. Несмотря на клятвы верности, эта связь тяготила его страсть давно улеглась, а скандал принимал все большие размеры, отражался на его репутации и ставил его в обществе в ложное положение. Одним словом, чем дальше он думал, тем женитьба рисовалась ему все яснее в виде надежной пристани спасения. Сам он, правда, не любил никого, но знал, что нравится многим, и мог выбирать. Он так был озабочен, что это заметила жившая с ним тетка, старшая сестра покойной матери доктора, вдова генерала, женщина богатая и независимая.

Заторская умерла родами, и генеральша, взяв на себя заботу о новорожденном, воспитала его, как собственного ребенка. Отец его, тоже доктор, был слишком занят, чтобы заниматься сыном, и охотно доверил его своей бездетной свояченице.

Вадим Викторович любил и уважал Софью Федоровну, как настоящую мать, и знал, что его связь с баронессой очень огорчала тетку. Религиозная и глубоко честная Софья Федоровна считала низким и безнравственным обманывать человека, который оказал ее племяннику полное доверие, и этот щекотливый вопрос не раз бывал предметом пререканий, которые на несколько дней приводили молодого врача в нервное состояние.

Вечером следующего дня, после вышеприведенного разговора с баронессой, доктор был дома. Он вел прием. Отпустив около половины одиннадцатого последнего больного, он прошел в столовую, где за пасьянсом его ожидала за чаем тетка. Раскладывая карты, Софья Федоровна

озабоченно наблюдала за племянником, который, видимо, был поглощен своими думами и молча пил чай.

– Чем ты так озабочен? Нет ли у тебя какой неприятности с больными или с... той дрянью? – спросила она, понижая голос.

– Нет, тетя, никакой неприятности у меня нет и совсем другое тревожит меня. Да если бы у меня и была какая-нибудь невзгода, почему ее причиной должна быть непременно ненавистная тебе бедная баронесса?

– Потому что эта негодная баба составляет несчастье твоей жизни, и я постоянно боюсь какого-нибудь скандала. Вы ведь в руках людей: неужели ты думаешь, что прислуга Козенов слепа? К тому же ты так неосторожен, и по карманам у тебя валяются письма этой особы. Начать с твоего лакея: из мести за какой-нибудь выговор он может передать барону одно из таких писем. Что тогда будет? Какими глазами будешь ты смотреть на человека, оказавшего тебе полное доверие, и честь которого ты опорочил? Да еще неизвестно, чем может кончиться подобная история. Случалось, что самые мирные люди при таких обстоятельствах становились бешеннее тигра и заставляли платить кровью за позор. – Взволнованная Софья Федоровна смешала карты и отбросила их в сторону.

– Ну, тетя! Не сочиняй ты разных романтических ужасов в наше прозаическое время, – проговорил доктор, пожимая плечами.

– Ах, не смейся, милый Вадим. Ты не знаешь, что с некоторых пор меня мучает предчувствие чего-то дурного, какая-то болезненная тоска и смутный страх, что тебе грозит несчастье...

Голос Софьи Федоровны дрожал, глаза наполнились слезами. Заторский наклонился к ней, поцеловал ее морщинистую щеку и нежно сказал:

– Успокойся же, дорогая. Я скажу тебе, что озабочивает меня, и это, надеюсь, положит конец твоим опасениям. Я понимаю, что пора положить конец слишком шумевшей уже связи. Поэтому, чтобы покончить с этими сплетнями и пресечь все толки, я решил жениться...

Радостный взглас прервал его.

– Ах! Благослови тебя Бог на такое решение, дитя мое. А, скажи мне, ты уже сделал выбор, любишь кого-нибудь? Не могу думать, что ты хочешь сделать из жены ширму для продолжения низкой игры. Впрочем, ни одна женщина не потерпит этого.

– Боже мой, как ты волнуешься, тетя! В данную минуту я знаю только, что намерен жениться, а так как у меня есть на примете несколько особ, которые, я полагаю, не откажутся от меня, то посмотрю пока, а к осени остановлюсь в выборе.

– Это будет нетрудно. Я уверена, что всякая женщина с радостью примет твое предложение. – Видя, что доктор от души рассмеялся, тетка прибавила, убежденно: – Я говорю серьезно, ты представляешь серьезную партию.

– Будем надеяться, что прекрасный пол окажется столь же хорошего мнения обо мне, как и ты. Повторяю, что к осени я выберу, но мне необходимо несколько месяцев на то, чтобы найти подходящую особу. Еще скажу, что отнюдь не собираюсь брать девчонку. Я уже не юноша, мне тридцать шесть лет, и я хочу иметь представительную хозяйку дома, а, главное, мать: я обожаю детей и желаю иметь их, чтобы была цель в жизни. Руководствуясь такой точкой зрения, я выберу девушку лет двадцати семи – двадцати восьми, здоровую, положительную и хорошую хозяйку, а не глупенькую, какую-нибудь семнадцатилетнюю наивную, романтическую жеманницу.

– Ах, все это неважно, друг мой: понятно, ты выберешь по своему вкусу и подходящую тебе девушку. Главное – создать собственный очаг и порвать связь с баронессой. По совести говоря, для меня всегда оставалось загадкой: чем она очаровала тебя, она так ничтожна и не способна возвыситься над уровнем пошлости.

Вадим Викторович ничего не ответил и только провел рукой по лбу как бы отгоняя докучные мысли, потом, выпив чай и ссылаясь на работу, он простился с теткой и ушел к себе.

Дня три спустя Мэри была занята в своей комнате укладкой вещей: вечером баронесса должна была заехать за ней, а на следующее утро они будут в Ревеле. Молодая хозяйка была еще в утреннем наряде и указывала старухе-няне, здоровой, добродушной женщине, как укладывать в большую плетеную корзину платья и белье. Сама она завертывала в кожаный сак золотые вещи и туалетные принадлежности.

Накануне уехали Анна Петровна и гувернантка с младшей девочкой. Петя отправился в Петербургский лагерь, а на другой день Суровцев собирался на неделю к приятелю в Финляндию. Дом принял тоскливый, опустелый вид: ковры, портьеры и безделушки были убраны, люстры и картины затянуты кисеей, мебель покрыта холщовыми чехлами, спущенные шторы погрузили все в сероватый сумрак.

Но это не мешало Мэри быть в наилучшем расположении духа: утром отец подарил ей на мелкие расходы двести рублей, а предстоявшие ей два месяца полной свободы приводили ее в восторг. Она могла делать, что хотела, одеваться по своему желанию, болтать, флиртовать и кокетничать с тем, кто ей понравится, не будучи под надзором матери, у которой всегда находились замечания по поводу ее манер или туалета. Мэри брала с собой горничную, так как баронесса сказала: «При хорошем обиходе лишний человек ничего не значит, а потому, возьмите свою камеристку, милая Мэри. Она будет причесывать вас, и вам удобнее с прислугой, к которой вы привыкли». В настоящую минуту горничную отпустили проститься с родными и в укладке помогала старая няня, ходившая за барыней со дня ее рождения.

Запиравшая сак Мэри вдруг поймала недовольный взгляд старой няни и обратила внимание на ее молчаливость, так странно отличавшуюся от ее обычной болтливости.

– Няня, что с тобой сегодня? Ты точно сердиться и не разговариваешь со мной. Не больна ли ты?

– Нет, но мне не нравится, что ты одна едешь к этой баронессе. Это что за новые выдумки! Девушка не должна уезжать от матери, да и ты всегда ездила с Анной Петровной, а теперь, на поди, вдруг отпускают тебя одну, без надзора! Где это видано! – сердито проворчала старушка.

– Но я ведь буду не одна, няня, а под надзором самой баронессы.

– Хорош надзор, что и говорить! «Барыня!» Разве ее дом такой, как должен быть? Муж в отлучке, а у нее с утра до вечера болтается какой-то дохтур, а что он за человек, не разберешь, одно слово! Молва о нем дурная, вот что! Тьфу! – и няня со злостью плюнула в сторону. – И не нашли, знать, другого места, куда тебя отправить? Ведь ты – ребенок, этакая молоденькая, неопытная. Бог весть, что может случиться!

Мэри громко расхохоталась.

– Ну, няня, я уже взрослая, мне восемнадцать лет, и, слава Богу, я умею держать себя. Да и что мне за дело до этого доктора! Я не больна, и он мне ни на что не нужен. Зато у баронессы я повеселюсь: она такая веселая и дети у нее прелестные.

– Бесстыжая она морда, вот что! Хоть детей-то постыдилась бы, – проворчала Аксинья, с шумом захлопывая корзину, но увидав, что Мэри продолжает смеяться, она сердито прибавила: – Не смейся, голубушка. Ох, чует мое сердце, ничего-то хорошенького не выйдет из этой поездки, да и дурной сон видела я этой ночью, тоже не к добру, знать.

– Няня, милая, расскажи, что ты видела! Я так люблю слушать сны! – вскричала Мэри, обхватив шею старушки и усаживая ее рядом с собой на маленьком диванчике.

Сначала Аксинья поломалась, а потом начала, с тревогой в голосе:

– Видишь, спервоначало, это, была я в доме будто одна: все уехали, не знаю куда. Бог весть с чего, а лютая тоска меня грызла, и пошла я посмотреть в окно, не ворочается ли кто из вас. А вместо нашей конюшенной-то перед домом расстилается море, такое море, что и конца ему не видно, а к окну на всех парусах подходит большущий корабль. И вот на палубе вижу я

высокую женщину, эфиопка она должно была, страшная такая, а глазища злые и вся усыпанная бриллиантами. Спустилась она, и я подумала, что в воду, поди, упала, а тут примечаю, что море исчезло, и мы очутились в комнате, какой я никогда не видывала. Черная женщина посередине на табуретке сидела, а вокруг хоромод плясали: ты, баронесса и еще несколько незнакомых. Женщина эта вставала, иногда, хватала одного из плясавших и давила его, в ту же минуту тот исчезал и на месте его оставалась большая лужа крови. И так я боялась, чтобы она тебя не удавила, что ровно подумная стала, а не знаю, что случилось с тобой. А уж кровь-то о ту пору словно волна пенилась, ударяла в дом, а дом-то трещал и начал рушиться. Со страху я так закричала, что проснулась вся в поту. Ой, ой! Плохое сулит этот сон.

Мэри слушала с тревогой в душе, но минуту спустя энергично тряхнула головой.

– Нет, няня, все это пустяки. Наш доктор говорит, что сны бывают от желудка, и чем он полнее – тем страшнее сон. Наверно, ты слишком много поела вчера галушек. И не мучь себя дурными предчувствиями: я взрослая девушка и не позволю ни обидеть себя, ни задушить. А теперь помоги мне одеться, – прибавила она, целуя старушку.

Когда она была готова, Акси́нья перекрестила ее, поцеловала и шепнула на ухо:

– Держись как можно дальше от дохтура. Ты хорошо знаешь его?

– Нет. Когда я бывала у баронессы, то никогда не заставляла его и видела мельком раз или два, да и не обратила никакого внимания. А ты, няня, видела его, что так ненавидишь?

– Баронессина кухарка моя землячка. Один раз была я, это, у нее, она порассказала мне всякой всячины про свою барыню, а потом они с горничной свели меня в уборную и показали, как те двое пили чай. Такие мерзкие хари!

Мэри засмеялась, но пообещала быть настороже и сторониться доктора, как разбойника, затем она поспешно направилась в зал, где были уже отец и только что приехавшая баронесса.

Прощание было веселое и дружеское. Михаил Михайлович извинился, что важные дела не позволяли проводить их, поднес им цветы и конфеты, а через полчаса автомобиль Анастасии Андреевны мчал их на Балтийскую железную дорогу. При входе дам в зал 1-го класса, где их уже ожидали дети баронессы с гувернанткой, Анастасия Андреевна весело воскликнула:

– А, Вадим Викторович, вы приехали проводить нас? Это очень мило! Дорогая Мэри, позвольте представить вам доктора Заторского, старого друга нашего дома и опекуна моих детей в отсутствие мужа.

В первый раз с любопытством оглядела Мэри господина, так охаянного няней, и результат осмотра оказался благоприятен для доктора.

Она нашла бледное и правильное лицо его красивым, спокойное, уверенное и строгое выражение его больших, стального отлива глаз, внушало почтение, а обворожительная улыбка, освещавшая лицо доктора во время их краткого разговора, положительно очаровала ее. Она сразу решила, что старая няня глупа и суеверна, а если этот красивый, интересный молодой человек действительно любит баронессу, то можно только завидовать ее счастью.

Анастасия Андреевна была в наилучшем настроении: она забрала громадную бонбоньерку, привезенную доктором детям, пригласила Вадима Викторовича поскорее приехать к ним, и вообще, смеялась и шутила, пока они не сели в вагон. Когда поезд тронулся, усталая баронесса растянулась на диване и вскоре уснула, а сидевшая напротив Мэри внимательно рассматривала ее. Прежде всего она заметила, что баронесса уже чуточку мазалась, а вокруг глаз были морщинки, и вообще, наружность незначительная. Возможно ли, чтобы доктор, человек бесспорно умный и с характером, мог влюбиться в эту жалкую особу, способную только на грубую чувственность?

От Ревеля до замка было немного более часа пути, и эта поездка в открытой коляске доставила Мэри большое удовольствие, а при виде самого замка у нее вырвался восторженный крик изумления. Здание было старинное, но расширено и украшено новейшими дополнениями, а весь массив, с высокой, зубчатой башней сбоку, покоился на громадном утесе, о под-

ножие которого разбивались морские волны. Высеченная в скале лестница с перилами вела к небольшой бухте, где стояли на причале лодки различной величины. С моря замок сохранил мрачный феодальный вид, а с противоположной стороны раскинулся обширный сад и зеленой пеной опоясывал новейшие постройки. Несколько лет назад барон Козен наследовал замок Зельденбург по смерти последнего представителя старейшей ветви, но вследствие того, что по одному пункту завещания старой родственнице предоставлено было право проживать в замке пожизненно, Анастасия Андреевна никогда не хотела там жить. Она ненавидела старую деву – сухую, строгую, чопорную, ледяной взгляд которой словно пронизывал ее насквозь, а на губах появлялась презрительная усмешка при малейшей ее выходке или непринужденном слове. И только с намерением сделать назло методичной девице, баронесса придумывала ряд нововведений, которые нарушали привычки обитательницы замка. Наконец, минувшей зимой Элеонора фон Козен умерла, и тогда баронесса решила провести лето в Зельденбурге.

Помещение Мэри состояло из спальни и маленькой гостиной, голубого и розового кртона. Вид на море и сад были великолепны и Мэри была положительно очарована.

Все послеобеденное время посвящено было осмотру прекрасного содержимого сада с множеством цветов, а с высокой беседки открывался вид на морскую даль и направлявшиеся в ревельский порт суда.

Веселая и довольная легла Мэри в постель и вдруг взглянула на висевший на стене портрет, который невольно рассмешил ее. Портрет изображал покойную фрейлен Элеонору, а рассказами о ней баронесса потешала общество в продолжение целого вечера, осмеивая ее маленькие слабости и устарелые воззрения.

Мэри тоже много смеялась вместе со всеми, и теперь вид портрета вызвал у нее новый взрыв хохота, но постепенно строгие и вдумчивые глаза, глядевшие со злобою и насмешкой, вызвали у нее неприятное впечатление. Она отвернулась к стене, чтобы не видеть их, и скоро крепко уснула, но сон ее был неспокоен. Мэри тревожно ворочалась на постели, мучили причудливые видения или кошмары.

Ей снилось, что она находится в замковом саду, как вдруг на горизонте появилось огромное черное облако и быстро заволокло небо, заслониив собою дневной свет. Было бы темно, как ночью, но из темных туч поминутно сверкали красные, как кровь, струи света, озарявшие предметы каким-то зловещим оттенком.

Затем темные облака растаяли и открылся грот, среди которого на троне восседал сам Сатана и протягивал к ней свои волосатые, когтистые руки, стараясь схватить ее. Пораженная ужасом она хотела бежать, укрывшись бывшим на ней черным широким плащом, как вдруг из каждой складки плаща стали появляться бесчисленные тучи отвратительных маленьких существ и, словно рой пчел, наполняли воздух. Крошечные чудовища кусали и щипали ее, она же, как безумная, бросалась во все стороны, спасаясь от своих преследователей. Затем внезапно послышались стоны и выстрелы, и Мэри поскользнулась на чем-то мокром и липком, увидев, что то была лужа крови. В нескольких шагах от нее стояла тощая Элеонора, указывала на нее пальцем и смеялась звонким смехом, потрясавшим каждый ее фибр. Мэри вскрикнула и проснулась вся в поту, дрожа, как в лихорадке.

– Фи, какой страшный кошмар! – прошептала она и встала, чтобы достать из саквояжа успокоительные капли. Выпив их, она легла и вскоре заснула здоровым, молодым сном.

За завтраком баронесса спросила, смеясь:

– Хорошо ли вы спали, Мэри, и что видели во сне? А у меня был отвратительный кошмар. За мной гнался тигр, а я с криком спасалась от него и все падала. В эту минуту раздались несколько выстрелов, и я почувствовала, как тигр укусил меня. Затем я проснулась.

– Боже мой, да у меня также был кошмар и я слышала выстрелы! Моя старая няня сказала бы, что это плохая примета, – воскликнула Мэри.

– О! Кто же верит приметам в наш просвещенный век! – заявила м-ль Доберо, француженка-гувернантка, блиставшая «здравомыслием». – Объяснение легко найти: какой-нибудь охотник, вероятно, стрелял поблизости воробьев, отсюда и сходство снов м-ль и мадам, которые обе слышали выстрелы.

Все засмеялись и не думали больше об этом случае.

Глава III

В пятницу приехал доктор Заторский, и его появление оживило замок. Играли в крокет и лаун-теннис, катались по окрестностям и возвратились только к вечернему чаю.

Украдкой, но с живейшим интересом, наблюдала Мэри за доктором. Раньше она даже не смотрела на него, но толки о том, что он – возлюбленный баронессы, возбудили ее любопытство.

В настоящее время не щадят слух молодых девушек и многое, что им не следовало бы знать, громко обсуждается в их присутствии, не говоря уже о газетах, столбцы которых, полны описаний драматических страстей и срамных романов, которыми молодежь потихоньку зачитывается.

Восемнадцатилетняя Мэри считалась уже взрослой девушкой и знала многое, а потому в ней пробудилось то болезненное любопытство, которое зарождает в молодом, нетронutom воображении преждевременное познание грубой житейской действительности. У Мэри было много поклонников, особенно среди «зеленой» молодежи, едва сошедшей со школьной скамьи: студенты, пажи и юные офицеры, с едва пробивавшимися усиками, но ко всем этим юнцам она относилась несколько пренебрежительно: она знала их школьниками и в ее глазах они были несерьезными кавалерами. Даже молодой моряк и дипломат, о которых говорила ее мать, не сумели затронуть ее сердце, хотя они и открыто ухаживали за ней. Теперь представлялся случай увидеть «роман» настоящий, тайный роман. Но, как Мэри ни присматривалась, она не замечала ничего, кроме некоторой фамильярности, которая казалась обычной у баронессы и объяснялась, может быть, давнишним знакомством.

По возвращении с прогулки баронесса пошла к себе переменить платье, а Мэри отправилась в маленькую гостиную рядом со столовой и села на подоконник. Комната находилась в старой части замка и глубокая амбразура скрывалась тяжелой плюшевой занавеской. Из окна было видно залитое яркой луной море, и Мэри залюбовалась чудной картиной.

Она сидела там несколько минут, но вот в зале послышались шаги: она повернула голову и сквозь щель портьеры увидела доктора, который сел у стола, взял книгу и рассеянно перелистывал ее.

Впервые Мэри могла свободно, вволю рассмотреть его: лампа освещала лицо, и он не подозревал, что черные глазки с любопытством рассматривали его. В первый раз ощутила Мэри несколько больший интерес к почти незнакомому ей человеку. Но это был человек с известным общественным положением, медицинская знаменитость, о которой говорили с восторгом, притом он еще был бесспорно красив. Тонкие, правильные черты, строгое и энергичное очертание рта и большие, стального отлива глаза – все нравилось в нем Мэри. И этот интересный, вполне молодой еще человек, любит баронессу, которая уже прикрашивается, а фигура, несмотря на худобу, казалась грузной и утратила ту грацию и гибкость, которые придают обаяние молодости. Мэри обдумывала этот вопрос, когда вошла баронесса, видимо взволнованная, с телеграммой в руке.

– Вообразите, Вадим, вот депеша от матери, которая пишет, что отец серьезно заболел и желает меня видеть. Она просит меня немедленно приехать в Стрельну.

– Ну? Что же вы намерены делать?

– Я не могу отказать и выеду ночным поездом. Утром я буду в Петербурге и тотчас отправлюсь в Стрельну, а послезавтра утром вернусь сюда.

С минуту она помолчала, а потом закинула руки на плечи доктора и, близко нагнувшись к нему, так, что коснулась его щекой, сказала:

– Поедьте со мной!..

Заторский спокойно взял ее руки и снял с себя.

– Сколько раз надо мне просить вас, Анастасия Андреевна, воздерживаться от такой фамильярности, которую могут подметить. Теперь более, чем когда-либо, это неудобно. Поезжайте, и я, конечно, проведу вас на станцию, но мне лично не хочется возвращаться в Петербург. Я приехал сюда отдыхать и дышать чистым воздухом, а не тащиться целую ночь в вагоне, да еще в город. У вашего отца есть свой доктор, значит, я ему не нужен. Уложите поскорее, и мы еще успеем поужинать до отъезда.

Баронесса покраснела, закусила губы и злой огонек сверкнул в ее глазах. Не говоря ни слова она повернулась и вышла, а доктор тоже встал и пошел в столовую.

Как тень, выскользнула Мэри из своей засады и хотела, сделав крик, войти в столовую с противоположной стороны, но, войдя в будуар баронессы, она увидела ту стоящей перед открытым шифоньером. В это время горничная ставила на стол раскрытый дорожный мешок.

– Оставьте мешок, Матреша, и идите скорей уложить маленькую корзинку и одеться, я возьму вас с собою, – произнесла Анастасия Андреевна, отпуская горничную, а потом, увидев стоящую в недоумении Мэри, весело попросила ее: – Помогите мне, милочка, наполнить эти флаконы одеколоном, духами и т. д. и уложить все в этот сак, а я достану платки и другие мелочи. Только здесь слишком темно, – она повернула выключатель.

Розовый свет озарил будуар и белую стройную фигуру девушки, принявшей усердно наполнять флаконы. Анастасия Андреевна с минуту смотрела на нее с загадочным выражением, а потом небрежно заметила, нагнувшись над ящиком:

– Какая незадача Вадиму Викторовичу: он так радовался возможности провести со мною эти два дня, а мне надо ехать. Он, конечно, хотел сопровождать меня, но я положительно отказалась. Бедняга безумно влюблен в меня и слоняется за мною, как болонка, но так как ему настоятельно необходим отдых, я воспротивилась такой глупости и беру с собой горничную, для его успокоения, что я не одна.

К счастью, баронесса продолжала рыться в ящике, иначе она подметила бы взгляд Мэри, смущенной столь наглой ее ложью. Ведь она же слышала собственными ушами как Вадим Викторович отказался ехать с нею, и видела нетерпеливый жест того, когда он старался избежать ее объятий. Но к чему Анастасия Андреевна лжет? Почему хвастается и выставляет напоказ внушенное ею чувство, когда в ее же интересах следовало бы скрывать это ото всех? Мэри не находила ответа на все эти вопросы и, чтобы скрыть свое смущение, усердно принялась за укладку флаконов и носовых платков.

Сынишка баронессы, прибежавший сказать, что ужин подан, дал другое направление разговору, и все пошли в столовую.

Крайне заинтересованная, Мэри украдкой наблюдала за предполагаемыми возлюбленными, но не могла уловить ни одного нежного взгляда со стороны доктора. Баронесса же трещала, словно сорока, и не обращала внимания на своего обожателя. Когда доложили, что экипаж подан, Анастасия Андреевна объявила, что Вадиму Викторовичу незачем провожать ее.

– Путь довольно далекий, а вам необходим отдых, да и лошади с кучером устанут, а потому им гораздо лучше отдохнуть до завтра в Ревеле, – прибавила она, нежно прощаясь с детьми и Мэри. – Вам же, Вадим Викторович, я поручаю развлекать без меня мою юную приятельницу. Конечно, вы не так молоды, чтобы забавить Мэри, но постарайтесь, встряхните свои старые кости: это вам тоже будет полезно.

В глазах баронессы светилось выражение лукавства, а в голосе слышалось словно какое-то глубокое значение. Но доктор будто ничего не заметил и не обиделся на причисление к разряду стариков: с любезной улыбкой поцеловал он руку баронессы, пожелал ей доброго пути, а затем все проводили ее до экипажа.

Когда все вышли на террасу, откуда виднелось море, Заторский неожиданно спросил:

– Мария Михайловна, не желаете ли прокатиться в лодке? Ночь роскошная и еще не поздно. Если вы боитесь довериться мне, то могу вас уверить, что гребу хорошо, да и море, как зеркало.

– О! Я нисколько не боюсь и очень рада прокатиться, – ответила Мэри, с заблестевшими от удовольствия глазами.

– В таком случае переоденьтесь поскорее, ночью на воде все-таки свежо, и вы можете простудиться.

– Да мне вовсе не холодно, уверяю вас, я накину оренбургский платок.

– Нет, нет, надо надеть шерстяное платье, а пока вы будете одеваться, я угошу конфетами Лизу и Бориса.

Мать не позволяет им кататься по морю, и потому я не могу взять их с собой.

Совет одеться теплее был высказан таким властным тоном, что Мэри без дальнейшего спора побежала в свою комнату, а доктор задумчивым взором проводил стройную фигуру молодой девушки и потом кликнул Лизу с братом.

В своей комнате Мэри быстро сообразила, что надеть, чтобы было тепло и к лицу. Позволив горничной, она приказа подать ей белое суконное платье с таким же кимоно, на белой атласной подкладке. Бусы из горного хрусталя, которые на ней были днем, она сохранила и, наконец, внимательно оглядела себя в зеркале. Она не отдавала себе отчета почему, но ей хотелось быть сегодня интересной и нравиться, а глянувшим из зеркала образом она осталась довольна.

Счастливая, спустилась она опять вниз, где встретила ожидавшего ее у лестницы Вадима Викторовича.

– Ну вот, теперь я не боюсь, что вы простудитесь, – улыбнулся он.

Они сошли к берегу и сели в лодку. Море тихо дремало, и дремотное волшебное сияние белой ночи заливало все кругом точно дневным светом. Они были еще недалеко от берега, когда Мэри заметила:

– Ах! Жаль, что со мною нет мандолины, а то я бы спела итальянскую песенку, которой выучилась у гондольера, когда в прошлом году была с мамой в Венеции. Там ночи были чудные, и мы каждый вечер катались по каналу Гранде.

– А разве вы не можете петь без мандолины?

– Нет, без аккомпанеента я не пею.

– В таком случае, я могу сходить за инструментом, пока мы еще ушли недалеко.

Не дождавшись ответа, он несколькими ударами весел вернул лодку в бухту, привязал ее и проворно взбежал по лестнице. Мэри внимательно следила за ним глазами, а потом подумала, пожав плечами:

«Да он вовсе не кажется старым! Хотела бы я знать, почему Анастасия Андреевна так настойчиво твердит всегда, что он стар?..»

Через несколько минут Вадим Викторович вернулся с полученной от горничной мандолиной, и Мэри после небольшой прелюдии запела итальянскую баркаролу.

Голос ее был не особенно велик, но восхитительно мягкого бархатного отлива и обработан в хорошей школе, а пела она с чувством и огоньком.

Со странным волнением слушал ее Заторский и не отрываясь смотрел на очаровательное личико молодой девушки. И вдруг, неожиданно для него самого, возникло в уме сравнение баронессы, уже увядшей женщины, с этим весенним, едва распустившимся цветком.

Звуки ее чудного, ласкающего голоса пленяли его, а цепи, связывавшие с баронессой, показались ему тяжелыми, словно железными.

Когда Мэри кончила, он попросил ее спеть еще, что та охотно исполнила, а доктор слушал все с большим восторгом. В эти минуты он совершенно забыл все благоразумные про-

екты, которые излагал тетке относительно своего будущего, и ему казалось, что обладание этим юным и чистым существом должно было быть упоительным счастьем.

Мэри также была радостно взволнована: катание вдвоем приводило ее в восторг, и веселые глазки ласково глядели на спутника. Вадим Викторович представлялся ей теперь совсем другим, нежели бывал в присутствии баронессы: холодное равнодушие исчезло, пленительная улыбка скрашивала и молодила черты лица, и глаза оживились, точно с них спала завеса и открыла под личиной бесстрастного и непроницаемого ученого подлинного человека, душе которого сродни все свойственные смертному слабости и страсти.

Говорили сперва они мало, и оба находились под обаянием охватившего их настроения. Доктор первый нарушил молчание:

– Пора покинуть заколдованный мир ундин и вернуться к прозаической действительности, – сказал он, улыбаясь и направляя лодку к берегу.

Когда Мэри выскочила на пристань, из волос ее выпала украшавшая голову красная роза. Вадим Викторович поднял цветок и спросил, прицепляя его к бутоньерке:

– Могу я сохранить ее?

Мэри утвердительно кивнула головой, но сопровождавший вопрос взгляд был так загадочен, что она вспыхнула, и, чтобы выйти из замешательства, поспешила сказать:

– Благодарю вас, Вадим Викторович, за огромное доставленное мне удовольствие.

– Оно было взаимно, – ответил он, задержав на секунду протянутую ему ручку.

Вернувшись в свою комнату он открыл окно, прислонился к нему и задумчиво стал нюхать розу. И точно с ароматом цветка в голове его зашевелились бурные мысли. В его воображении встал образ Мэри, такой, какой он ее сейчас видел: очаровательной, как воплощенное искушение. Невольно сравнивал он ослепительно свежий цвет ее лица с подмалеванной физиономией баронессы, большие, ясные и веселые глазки Мэри с лукавым взглядом той и ее Несносной, грубой страстью. В эту минуту его возлюбленная была ему положительно противна. Эта ведьма преграждает ему путь к счастью и не выпустит его из когтей, а согласие ее на его женитьбу – притворно: чтобы закрыть ему доступ к сердцу прелестного ребенка, она будет глумиться над ним в присутствии Мэри.

Он встал и в волнении зашагал по комнате, но уравновешенная и благоразумная натура вскоре взяла верх: он бросился в кресло и думал, отирая лоб:

«Я в самом деле, кажется, схожу с ума! Можно ли поддаваться таким нелепым бредням? Ведь я действительно стар для такой девочки! Да и никогда я не отделаюсь от баронессы: полип этот крепко вцепился в меня и является Немезидой за мой подлый поступок... И зачем только ввязался я в эту гнусную связь?!»

Мрачный и раздраженный он встал и пошел спать.

Под впечатлением ночной прогулки Мэри долго не могла уснуть и думала о Вадиме Викторовиче: она сравнивала с доктором двух своих поклонников – Поля Норденскиольда и Эрика Раутенфельда – и, странное дело, преимущество оказывалось на стороне Заторского: он красивее и привлекательнее обоих. Сердце ее билось сильнее при воспоминании о загадочном выражении его глаз и тех вспыхнувших искрах, которые открывали скрытый мир и никогда не загорались в присутствии баронессы...

На другой день, за завтраком, Вадим Викторович принял свой обычный тон, хотя казался веселее обыкновенного. Он играл с детьми в крокет и лаун-теннис, бегал на гигантских шагах, а развеселившаяся Мэри совсем подружилась с ним, забыв даже о превосходстве своей юности.

После, игры в мяч Борис остановился, чтобы перевести дух, и отирая потный лоб, неожиданно спросил:

– Слушай-ка, дядя Вадим, почему это мама все говорит, что ты старик? А ты и бегаешь скоро, и ноги у тебя не хуже, чем у нас.

Мэри громко расхохоталась, а доктор повернулся и пристально посмотрел на нее.

– Мария Михайловна, а вы также находите, что я очень стар?

– Совсем нет. Наоборот, я нахожу, что вы молоды, – ответила она, сильно краснея.

– Благодарю. А теперь, чтобы оправдать вашу хорошую аттестацию, предлагаю еще партию лаун-тенниса, – засмеялся он.

День прошел весело. Только что кончился чай, как, к общему удивлению, явилась баронесса, которую ожидали только на другой день. Она пояснила, что болезнь отца оказалась ложной тревогой, а так как старик чувствовал себя хорошо, то она и поспешила вернуться.

Присутствие баронессы подействовало на Вадима Викторовича: он перестал смеяться и болтать, отказавшись затем играть в мяч, когда дети пришли звать его.

– Почему вы не хотите, доктор? Идите, идите. В ваши годы полезно иногда движение, – заметила баронесса.

Слова казались веселыми и шутливыми, но в тоне и взгляде слышалась злая насмешка. Ввиду резкого отрицательного жеста доктора, Мэри с детьми ушла с террасы. Вадим Викторович поставил бывшую в его руках тарелку с земляникой и, весь красный, повернулся к баронессе, насупив брови.

– Серьезно прошу вас, Анастасия Андреевна, воздержаться впредь от шуток дурного тона, к которым вы пристрастились. Я не считаю себя такой развалиной и настолько дряхлым, чтобы приходилось удивляться, если я сделаю какое-либо движение.

Баронесса разразилась взрывом грубого смеха и дружески похлопала его по плечу.

– Успокойтесь, мой милый! Конечно, вы не старик, но если вздумали бы прыгать и бегать с такими ребятами, как Лиза, Мэри и Борис, которые могли бы быть вашими детьми, то это было бы смешно. Мэри, правда, восемнадцать лет, и она так прелестна, что я думала одно время предложить ее вам в невесты, но затем я убедилась, к сожалению, что она слишком наивна и юна, а потому положительно не годится в жены такому серьезному человеку. Возможно даже, что в виду разницы в годах и родители ее не согласились бы, тем более, что по некоторым намекам Анны Петровны можно догадываться, на ком они остановили свой выбор. Но поговорим о другом: я забыла сказать, что завтра у нас будут гости. Я встретила Поля Норденскиольда и пригласила его с двоюродными братьями, тоже моряками, на несколько дней в Зельденбург. Надо же как-нибудь развлечь молодежь, а мы с вами немного стары для этого.

Доктор молча выслушал эту веселую и как будто произнесенную невинным тоном тираду, но он чувствовал выпущенные когти, которые невзначай поцарапали его, выставляя на вид разницу лет, отделявшую его от всего юного и прекрасного, могущего ему нравиться. В эту минуту он ощутил почти ненависть к надоевшей ему и стареющей женщине, язвительный язык которой ставил преграды и вырывал пропасти между ним и очаровательным существом, соблазнительным видением носившимся в его воображении минувшей ночью. Ему казалось, что невидимая тяжесть давит на него, что темнело и задергивалось пеленой все: и солнце, и веселость, которая со вчерашнего дня охватила его существо и наполняла сердце. Грубая правда, беспощадно бросаемая ему в лицо, гласила: «Ты стар и преступно было бы связать с собою этот весенний цветок». А ему так хотелось быть молодым: для нее одной и ни для кого другого...

Наступило продолжительное молчание. Доктор взял газету и, казалось, был поглощен чтением, а баронесса ела землянику, перелистывая привезенный из города модный журнал.

Прошло может быть с полчаса, как донесся шум голосов, а минуту спустя Мэри с Борисом ураганом вбежали по ступенькам террасы и запыхавшись остановились перед доктором.

– Вадим Викторович, пойдете играть с нами. Пришли две дочки управляющего и его сын, студент, у нас ничего не выходит. Пойдемте, пойдете! Вы так хорошо умеете устраивать игры! – умоляла Мэри, а Борис в это время повис на шее доктора.

Видя, что он молчит в нерешительности, Мэри обратилась к баронессе:

– Анастасия Андреевна, скажите Вадиму Викторовичу, чтобы он шел играть! Пожалуйста!

– Но дитя мое, я не имею такой власти над ним и не держу его: пусть идет играть с молодежью, если ему это нравится и приятно, – ответила баронесса, принужденно смеясь.

Доктор не слушал ее и видел только чудные, с мольбой и лаской обращенные на него глаза Мэри. Поддавшись их обаянию, он встал, и шалуны увели его.

Анастасия Андреевна продолжала сидеть, сумрачная и, видимо, обозленная: ее не пригласили участвовать в играх. Почему? Разве считали слишком старой? В эту минуту она почувствовала внезапную тяжесть в ногах. Конечно, это просто нервная слабость после дороги, а, впрочем, и лучше, может быть, не принимать участия в игре. Что, если бы она оказалась слишком тяжелой на бегу? Было бы ужасно смешно... Но она свое возьмет!

Когда крики и веселые голоса играющих возвестили, что оживление достигло высшей степени, она встала и оперлась о перила. Играли на усыпанной песком площадке недалеко от террасы, и ее взгляд впился в Вадима Викторовича. Как он проворен и ловок, ни на минуту не отставая от своих юных товарищей. И завистливое, злобное выражение исказило лицо баронессы. Он действительно еще молод и может претендовать на восемнадцатилетнюю жену, не рискуя казаться смешным: но только она никогда этого не допустит.

Вечер прошел весело и было уже довольно поздно, когда усталая и разгоряченная Мэри ушла в свою комнату, но ей не хотелось спать, и она собралась написать несколько писем. Она разделась, накинула пеньюар, отпустила горничную и уселась в своей гостиной.

Комната выходила в сад и из окна была видна стеклянная галерея, соединявшая со старым замком новое крыло. Там помещался доктор, и он тоже, вероятно, у себя, так как окна были освещены, а на спущенной шторе вырисовывалась тень двигавшегося взад-вперед человека.

Окончив три длинных письма – отцу, матери и тете, Мэри решила лечь, так как было уже около двух часов. Лампу она погасила, но желая еще насладиться воздухом открыла окно и полной грудью вдыхала чистый и свежий аромат ночи. Окна Вадима Викторовича все еще были освещены, значит, он еще работал. «Какой он любезный и обаятельный, когда захочет», подумала Мэри, вспоминая весело проведенный вечер. Вдруг она вздрогнула и откинулась: в стеклянной галерее появилась женская фигура, очевидно направлявшаяся к комнате доктора. Общий образ был хорошо знаком Мэри, а несколько минут спустя на опущенной шторе отразились две тени.

Мэри стояла неподвижно, не сводя глаз со шторы, не отражавшей более ничего, и неведомое ранее, но жгучее, горько-мучительное чувство охватило ее сердце. Значит, правда, что все рассказывают, и эта бесстыдница ночью идет к постороннему мужчине! А если он допускает это, значит любит ее?..

Жгучие слезы брызнули из глаз Мэри, а сердце забилося чувством, близким к ненависти. Какое отвращение! Эта отжившая, намазанная женщина, мать двоих детей, ведет грязную интригу, а он, презренный и бесчестный, нагло обманывает доверие отсутствующего друга!..

Мэри не сознавала, что волновавшее ее новое и болезненное чувство было ревностью: она наивно думала, что в ней кипит одно благородное негодование.

Она отвернулась и легла в постель. О! Как презирает она эту подлую парочку и сумеет показать доктору, что он не существует для нее.

Хорошо, что завтра будут гости...

Глава IV

Утром она проснулась поздно и приказала подать кофе в свою комнату. Настя, ее горничная, доложила, что к обеду ждут много гостей: баронесса получила несколько телеграмм о приезде знакомых, и на станцию уже отправлены экипажи.

Обед был назначен в два часа, а к часу ожидали моряков и остальных гостей. Раздражение Мэри против Вадима Викторовича не улеглось. Она собиралась кокетничать, хотела нравиться Норденскиольду и флиртовать с ним: она знала, что тот влюблен в нее, и ей легко довести его до белого каления. Туалет она считала главным средством для одержания победы, а потому надела белое фуляровое платье, богато вышитое, отделанное кружевами и опоясанное белым же шелковым кушаком, и одела белые кожаные туфли. После зрелого размышления она решила оживить белоснежный туалет, прибавив колье из розового коралла, а к поясу и волосам приколола пучки белых роз. В последний раз оглядывала она в зеркале свой пленительный образ, когда прибежала ее горничная с известием о приезде части гостей.

Выйдя на террасу Мэри заметила среди собравшихся генерала Сомова, приятеля и двоюродного брата ее отца. Она и обрадовалась и удивилась ему, так как считала его в отпуске в имении на юге России.

– Дядя Петя, вот сюрприз! – воскликнула она, целуя старого генерала, который очень любил и баловал ее.

– Я приехал по делам службы, но узнав, что баронесса здесь, заехал повидаться и с большим удовольствием узнал, что ты тут, – ответил генерал.

С гадливым, но тщательно скрытым чувством поцеловала Мэри баронессу, поздоровалась с гостями, а потом, чуть покраснев, протянула руку доктору. Как всегда строгий и бесстрастный он стоял у балюстрады и курил. Вскоре приехали трое моряков с остальными приглашенными, и все перешли в столовую.

Рядом с Мэри баронесса посадила Поля Норденскиольда, который принялся усердно ухаживать за соседкой, нисколько не скрывая своего восхищения, а Мэри смеялась, кокетничала, болтала и, видимо, благосклонно принимала знаки внимания соседа. По другую сторону стола, почти напротив Мэри сидел Вадим Викторович, около дамы неопределенных лет и бессовестно накрашенной, но он оказывал ей внимание насколько того требовала вежливость, не замечал ее кокетливых взглядов и казался задумчиво сосредоточенным. Иногда его мрачный взгляд скользил по Мэри и при этом каждый раз ее веселость туманилась рассеянностью: она смущалась и невпопад отвечала на любезность соседа.

После обеда Анастасия Андреевна предложила потанцевать. Хозяйка была в прекрасном расположении духа и довольно интересна в черном газовом платье, с изумрудного цвета бантами в рыжих волосах: искусная гримировка, конечно, тоже немало содействовала миловидности.

В первом этаже замка была большая зала, которую баронесса превратила в концертную: там стоял рояль, и м-ль Доберси, гувернантка предложила поиграть. Итак, танцевали под рояль, и даже баронесса дала себя уговорить принять участие. После нескольких удачных туров вальса она, смеясь, пригласила Вадима Викторовича, но тот холодно отказался и отошел к входной двери, где прислонился к косяку, скрестив руки. Он издали следил за Мэри, легко и грациозно переходившей от одного кавалера к другому, постоянно окруженной роем ухаживателей. Очувившись поблизости от доктора Мэри уловила его взгляд, в котором отражались грусть и уныние. Он был бледнее обыкновенного и в выражении лица его было столько тоскливой покорности судьбе, что у Мэри мгновенно исчезли всякая злоба и враждебность против него. Отчего ему, еще молодому и красивому, суждено только со стороны смотреть на минувшие его радости? И в сердце Мэри вдруг вспыхнуло такое теплое участие и сожаление, что

даже слезы подступили к горлу, а одновременно с этим всколыхнулась злоба против баронессы. Сама она танцевала и разыгрывала молоденькую, а его старалась высмеять и называла стариком. Впечатлительная Мэри быстро решила, не обдумывая первое побуждение. Как только кавалер довел ее до места, она встала и подбежала к доктору: щеки ее пылали и вместе с тем неловкость и решимость чередовались в выражении ее глаз.

– Хотя и не принято, чтобы дама приглашала кавалера сама, но я думаю, что мой поступок можно извинить относительно ученого, строгого и серьезного профессора, – проговорила она смущенным и вместе с тем лукавым тоном.

Доктор рассмеялся и выпрямился перед ней.

– Благодарю вас, Мария Михайловна, но я больше не танцую. Во-первых, это было бы смешно в мои лета, а во-вторых, я даже разучился танцевать.

– Ах, Вадим Викторович, не извольте кокетничать сединой, которой у вас еще и нет, – засмеялась Мэри. – Идемте же и докажите всем, что вы умеете танцевать так же хорошо, как назначать лекарства больным.

Прелестное ее личико было так красноречиво, что доктор более не колебался, а обхватил ее талию, и они смешались с другими танцующими. Танцевал он хорошо и красивая пара скоро привлекла внимание общества. Баронесса тотчас увидела их и побледнела, что было заметно даже под штукатуркой, но, быстро овладев собою, она первая стала восхищаться – хлопала в ладони и кричала так, что слышала вся зала:

– Браво, браво! Смотрите на нашего строгого профессора: он помолодел на двадцать лет и легок, как корнет!

Дамы аплодировали и окружили Заторского, так что ему пришлось танцевать со всеми. Наконец, он остановился, вытер мокрый лоб и объявил, смеясь:

– Баста, на сегодня довольно!

В девять часов ужинали, и доктор ухитрился сесть возле Мэри. Он был весел, разговорчив и воодушевлен, как никогда, а баронесса, хотя и притворялась веселой, на самом деле была нервна и раздражительна. В десять часов гости разъехались и Заторский с ними, так как хотел попасть на ночной поезд, отходивший в Петербург. Прощаясь, он весело предупредил, что на следующей неделе приедет уже в отпуск:

– В течение шести недель не хочу видеть ни одного больного, – прибавил он, рассмешив всех присутствующих.

Когда через неделю доктор приехал в замок, гувернантка с обвязанной головой объявила хриплым голосом, что баронессы два дня нет дома, а приедет она с последним поездом.

– Что с вами? Почему у вас завязана голова? – спросил доктор.

– О, у меня ужасно болят зубы и стреляет в левое ухо, – жалобным голосом ответила гувернантка. – Это еще пустяки, а вот Лиза и Борис ужасно кашляют, да и мадемуазель Мария нездорова: у нее лихорадка и болит голова. Я поила ее лимонадом с ромом, но это не помогло.

– Да это целый госпиталь! Где же это вы все простудились?

– Накануне отъезда мадам. Она повела всех гулять на берег моря, а было холодно и нас застал сильный дождь. Вернулись мы промокшие до костей и промерзли, потому что ветер с моря был ледяной. В первый день ничего не было, а вечером мы все заболели.

– А что, Мария Михайловна уже легла? – спросил доктор, качая головой.

– Нет еще, но она в своей комнате. Ей хотелось немного уснуть из-за страшной головной боли.

– Пошлите, пожалуйста, предупредить ее, что я зайду посмотреть, что с нею, а пока пройду к Лизе и Борису.

Известие о приходе Вадима Викторовича очень смутило Мэри, хотя ей действительно было нехорошо: голова горела, как в огне, а по всему телу пробегала ледяная дрожь. Поэтому

она уже переделалась, накинув пеньюар из розовой фланели на шелковой подкладке и с большим кружевным воротником.

При появлении доктора она встала и, краснея, протянула ему свою горевшую руку.

Вадим Викторович покачал головой, пощупал пульс, а потом попросил разрешения выслушать ее. Щечки Мэри ярко зарделись, и она робко пыталась отказаться, однако с привычной доктору, относительно больных, мягкой, но строгой настойчивостью, он заметил, шутливо:

– Не стесняйтесь, Мария Михайловна, ведь я – старый доктор.

Мэри покорно расстегнула капот, но когда Заторский прикоснулся ухом к ее груди, сердце ее усиленно забилося.

– Часто у вас бывает такое сердцебиение? – спросил он, поднимая голову и испытывающе глядя в смущенные глазки больной.

Мэри ничего не ответила, так как горло ее сжимало чувство стыда, страха и смущения. Ей было крайне неловко: а вдруг он догадался, что волнение ее вызвано его присутствием? Под его глубоким, испытующим взглядом, который, казалось, читал ее сокровенные мысли, она вдруг перестала владеть собою и расплакалась. С загадочным выражением всматривался Вадим Викторович в ее прелестное, залитое слезами личико, а потом взял лежащий на стуле оренбургский платок, укрыл им Мэри и встал.

– Надо сходить за градусником и смерить температуру, а потом я дам вам успокоительных капель из своей дорожной аптечки. А пока вы успокойтесь.

Но едва он вышел из комнаты, как Мэри бросилась на диван, спрятала лицо в подушки и начала рыдать.

– Боже мой, Боже мой! Он заподозрит, что его присутствие так взволновало меня: он слышал, как билось мое сердце. Что подумает он обо мне, когда любит баронессу? О!.. Зачем я приехала сюда!..

А слезы все лились и лились.

Через четверть часа вернулся Вадим Викторович с градусником, каплями, облатками и не заметил, по-видимому, красных глаз Мэри, но когда градусник показал почти сорок градусов, он приказал немедленно лечь и прибавил:

– У вас серьезная инфлуэнца и вам придется пролежать несколько дней в постели.

– Ах! Я не думала, что так простудилась лишь оттого, что слегка промокла, – грустно проговорила Мэри.

– Будем надеяться, что все скоро пройдет. Постарайтесь уснуть, а в двенадцать часов я зайду опять. До свидания.

Доктор еще был занят Лизой и Борисом, у которых была лихорадка с кашлем, когда приехала баронесса, в весьма жалком виде: она хромала и одна щека так распухла, что все лицо перекосило. Увидя ее, Заторский громко расхохотался.

– Как, баронесса, и вы тоже расплачиваетесь за свою чудную прогулку? Во всяком случае вижу, что мне хватит работы на время моего отпуска.

Сконфуженная и сердитая Анастасия Андреевна принуждена была лечь. Оказалось, что нога ее и колено распухли, одной рукой она не могла шевельнуть и, сверх того, заполучила страшный насморк. Пришлось послать верхового в Ревельскую аптеку с рецептами доктора.

Около полуночи Заторский отправился к Мэри: она спала тревожным сном и горела, как уголь. Лихорадка разругала ее лицо, она была очаровательна во сне: длинные и густые черные косы отчетливо выделялись на одеяле, а от пушистых ресниц на щеки ложились тени. Доктор наклонился над ней, и его сердце сильно забилося. Жалея тревожить ее, он сел у постели и залюбовался, а в голове роились мятежные мысли. Если этот очаровательный ребенок действительно любит его, то не пожертвовать ли ради счастья их обоих ложным предрассудком, будто он стар для нее?.. Но раньше, чем протянуть руку за этим невинным и чистым созданием ему нужно сбросить с себя позорное ярмо, уничтожить странную, но злополучную власть

баронессы над ним. Конечно, борьба будет тяжелая, но ее надо преодолеть, так как он хочет свободы, чтобы сказать Мэри: «Прости и забудь прошлое. В ту пору я еще не знал тебя». Зато, когда он перешагнет через это препятствие, перед ним откроется безоблачное счастье...

Мэри продолжала спать, и он потихоньку вышел.

Через неделю весь домашний лазарет был на ногах, и когда в первый раз все сошлись за обеденным столом, то выпили за здоровье доктора; благодарил его и баронесса, которая произнесла даже небольшую трогательную речь, выразившую общую признательность.

Вслед за тем в замке почувствовалась тяжелая, точно грозовая атмосфера, наружно прикрываемая беззаботной, как будто, веселостью. Баронесса была встревожена и мучилась ревностью; она чувствовала, что от нее ускользает человек, которого она страстно, упорно любит. Уже за много месяцев перед тем она догадывалась, что Вадим Викторович тяготится их отношениями, а теперь он увлекся обаятельной девушкой, которую она сама так некстати поставила на своем пути.

Да и на самом деле Мэри нравилась Заторскому, как ни одна женщина, а что она его любила было ясно для него, врача, привыкшего вчитываться в душу человеческую: загоравшись в его присутствии глаза невинным образом выдавали чувства Мэри. Ее болезнь сблизила их: она с нетерпением ожидала утром и вечером тех часов, когда Вадим Викторович приходил ее проведать. Когда он садился у ее изголовья и дружески с нею беседовал, а она чувствовала себя счастливой, успокоенной и желала только, чтобы он никогда не уходил.

Незаметным образом чувство доктора к Мэри обратилось в страсть, хотя он все-таки владел собою и тщательно скрывал свою любовь, потому что никак не мог победить страх и сомнение, упорно поддерживаемые злыми и лукавыми словами баронессы. При всяком удобном и неудобном случае не упускала она твердить, что нет ничего опаснее и губительнее неравного по летам брака, а слишком зрелый муж всегда рискует надоесть и опротиветь молодой жене, которая, став женщиной, почувствует, конечно, что ее сердце расцветает, и будет инстинктивно искать любви человека своего возраста. Такие ядовитые речи, как змеиные укусы, поражали сердце Заторского, поселяли разлад в его душе и убивали энергию, а баронесса в душе торжествовала, зорко и ревностно следя за ним.

Таково было положение в замке, когда приехала тетка барона, Елена Орестовна Бармина, богатая и независимая вдова, женщина развитая, остроумная и, несмотря на лета, живая и ловкая.

Елена Орестовна ненавидела и презирала баронессу, потому что не сомневалась относительно роли, которую Вадим Викторович играл в доме племянника. Она жалела барона за его слепоту и уверенность в добродетели жены, а тот еще поручил волку стеречь свою овчарню. Впрочем, она была достаточно тактична, чтобы не вмешиваться в такие щекотливые дела, и не обнаружила своих чувств. Детей барона она очень любила, особенно Бориса, ее крестника: для них, собственно, недели на две они и приехали в Зельденбург. С Суровцевыми генеральша была знакома давно, потому что они были соседи по имению, а Мэри она знала с детства и очень изумилась, встретив ее у баронессы.

Все сидели еще за утренним чаем, когда принесли почту; доктор и баронесса просматривали письма, как вдруг генеральша глухо вскрикнула и газета выпала у нее из рук.

– Боже мой, что случилось? Что вы прочли? – послышалось со всех сторон.

– Ника Селиванов убил свою жену и поручика Балуева, – ответила генеральша в сильном волнении, и прибавила, протягивая газету доктору: – Прошу вас, Вадим Викторович, прочтите подробности. Я так волнуюсь, что у меня словно завеса перед глазами. Бедный Ника! Какой ужасный конец!

Зоторский взял газету и по мере того, как читал, густая краска заливала его лицо. А между тем, это была одна из тысячи обычных «семейных драм» с трагической развязкой. «Молодой инженер Николай Петрович Селиванов, женатый уже пять лет, заметил по возвра-

щении из командировки слишком частые посещения поручика Балужева. Ревность разгорелась, а некоторые признаки утвердили его подозрения по поводу тайной связи жены. Наконец, для очищения совести, он придумал поездку и возвратясь невзначай застал виновных на месте преступления. Под влиянием бешеного отчаяния он выхватил револьвер и уложил на месте жену, а ее возлюбленного смертельно ранил. После этого он сам отдался в руки полиции и теперь находится в доме предварительного заключения. Двое детей, трех лет и одного года, остались сиротами, а мать Балужева, потерявшая единственного сына, сошла с ума». Несмотря на тяжелое впечатление доктор читал твердым голосом, а затем положил газету на стол и глубоко задумался. Он встречал в обществе всех трех героев драмы, и знал, что Селиванов приходился сродни генеральше.

Баронесса первая прервала тягостное молчание.

– Селиванов болван и мерзавец, убивая двух людей из-за своей глупой ревности: притом он разбил и свою жизнь, потому что, наверное, пойдет на каторгу, – с презрением проговорила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.